

АННА СОРОКА
СОНЯ МИРОНОВА

МОЙ ПОЛИЦЕЙСКИЙ

СТАНИЧНЫЙ РУБЕЖ

**Анна Сорока
Соня Миронова
Мой полицейский.
Станичный рубеж**

<https://litres.ru/74664698>

SelfPub; 2026

Аннотация

В ту ночь мою «Донскую вольницу» пришли сжечь. Я вытащила жеребят из огня, но рейдерам мало уничтожить конюшню: им нужна моя земля на берегу Дона. Продать дело, которое я подняла после смерти отца? Ни за что. Только против вооруженных людей одной смелости мало.

Руслан Багиров, наш станичный участковый, появляется верхом на вороном жеребце — и у поджигателей кончается легкая добыча. Суровый казак не бросает слов на ветер. Он берется защитить мой дом, а я все чаще ищу не выход из беды, а повод оказаться рядом с ним. Его объятия обещают покой, которого я давно не знала. Но враги готовят новый удар. Устоим ли мы, если на кону теперь не только земля и лошади, но и наша любовь?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Анна Сорока

Мой полицейский.

Станичный рубеж

Мой полицейский. Станичный рубеж

Анна Сорока и Соня Миронова

Глава 1

Полночь над Доном всегда пахнет речной прохладой, прибитой к земле пылью и горьковатой, остывающей за день пылью. Я шла вдоль ряда денников конноспортивного клуба «Донская вольница», привычно проверяя тяжелые металлические задвижки. Пальцы нащупывали прохладный металл засовов, успокаивая душу: за дощатыми перегородками мерно хрустело сухое разнотравье, сонно пофыркивали племенные матки, слышался глухой, умиротворенный стук копыт о деревянный настил. Мой дом, мое дело, с таким трудом поднятое из заброшенного совхозного пустыря после смерти отца. Казалось, эта тишина нерушима.

Ночная свежесть оборвалась внезапно — будто кто-то плеснул в лицо едкой, удушливой гарью. Ветерок с поймы сменился душной волной чужого, химического смрада: паленый бензин, горелая резина и сухая ярость пламени.

Я выбежала на середину мощеного плитняком двора и замерла, чувствуя, как ледяной ком сдавливает горло.

Над сеновалом, примыкавшим к малому манежу и яслям, взметнулся трехметровый багровый гребень. Сухое луговое сено первого укоса вспыхнуло мгновенно — огонь жадно жрал тюки, с глухим гулом перекидываясь на стропила.

— Нет! Только не ясли! — крик вырвался сам собой.

Я бросилась к пожарному щиту у стены мастерской. Со-

рвала опломбированный пожарный топор, с размаху ударила по скобе гидранта, хватаясь за брезентовый рукав. Но пальцы в темноте ощутили липкую пустоту: толстый прорезиненный шланг был аккуратно и хладнокровно располосован по всей длине бритвенно-острым лезвием, а тяжелый чугунный маховик вентиля скручен со штока «с корнем».

Это был не случайный окурок. Нас пришли жечь.

Не успела эта мысль ожечь сознание, как со стороны ближней левады раздался шипящий свист. В темноте степной ночи прочертила дугу ослепительно-белая трасса. Тяжелый армейский фаер с грохотом пробил просмоленную толевую кровлю яслей прямо надо мной, рассыпая внутри снопы раскаленных искр.

Из глубины денников ударило паническое, захлебывающееся ржание кобылы Майки. Следом послышался частый, отчаянный топот маленьких копыт: жеребята метались по замкнутому пространству, со слепым ужасом колотясь о доски.

Глаза мгновенно застлало едким, жирным дымом. Легкие обожгло, горло перехватило спазмом, но липкий парализующий страх продержался ровно секунду — его выжгло яростью. Я не оставляю их гореть заживо.

Сорвав с гвоздя тяжелую брезентовую попону, я окунула ее в жестяной чан с остывшим пойлом, намочив до черноты, и рванула внутрь горящего корпуса.

В деннике стоял сплошной багровый туман. Доски потолка потрескивали, сверху водопадом сыпались раскаленные

хлопья золы. В дальнем углу, прижавшись друг к другу спинами, в безумном страхе забились двое двухмесячных жеребят. Резвый, темно-гнедой со звездочкой во лбу стригунок Сокол ошалело молотил передними ножками по глухой стенке, рискуя выбить путовые суставы, а кроткий золотисто-рыжий Сполох отчаянно жался к боку гнедой Майки, дрожа всем тельцем и тонко, по-детски повизгивая.

— Тише, маленькие, тише! Я здесь, стоять! — мой голос прозвучал непривычно низко, хрипло, но властно, перекрывая гул верхового огня.

Я набросила мокрый брезент на головы жеребят, перекрывая им вид на пляшущее пламя, перехватила пальцами два сыромятных чумбура и связала их привычным двойным узлом-восьмеркой. Майка шумно, горячо выдохнула мне в висок влажную пену, признавая хозяйку.

— Пошли, родная, держи малышей!

Мы рванули к выходу, но путь перечеркнул страшный сухой хруст. Несущая дубовая балка стропил, подточенная пламенем, с грохотом рухнула поперек прохода, заблокировав створ ворот. Огненная стена взметнулась до самого настила.

Сзади напирала кобыла, жеребята начинали задыхаться в угарном газе. Отступать было некуда.

Сдернув с ограждения мокрый войлочный вальтрап, я с размаху опустила его на пылающее бревно, вцепилась обеими руками и всем весом, упершись носками сапог в настил,

толкнула тяжелый горящий дуб в сторону.

Шипящая горящая смола брызнула сквозь пробитый войлок. Дикая, разрывающая боль впилась в правое предплечье и ладонь, обжигая кожу до глубоких волдырей. Запахло паленой кожей и тканью. Я стиснула зубы так, что хрустнули челюсти, но бревно не отпустила, сдвигая его на полметра в ров из опилок.

— Пошла! Вперед, Майка!

Я вытолкнула кобылу с привязанными жеребятами в освободившийся проем и вывалилась следом за ними на песчаный манеж в то самое мгновение, когда кровля за нашей спиной с утробным стоном провалилась внутрь, выбросив в звездное небо сноп искр высотой с двухэтажный дом.

Свежий ночной воздух ворвался в обожженные легкие с такой силой, что я упала на колени в песок. Сердце колотилось где-то в горле, обожженная рука пульсировала огнем. Жеребята тыкались мягкими губами в мои плечи, фыркая и роняя пену. Они были живы. Сокол и Сполах дышали, Майка закрывала их своим телом.

Но передышки нам не дали.

В тишину станичной ночи ворвался низкий, вибрирующий рокот форсированного мотора без глушителя. Со стороны выезда на полевую дорогу вспыхнули сдвоенные ксеноновые фары, заливая манеж мертвенно-белым светом. Тяжелый черный квадроцикл со стальным трубчатым кенгурятником взрыл колесами дерн и намертво перекрыл единствен-

ный путь к реке.

На сиденье сидел рослый детина в глухом черном шлеме и тактическом разгрузочном жилете. В руке он сжимал укороченную бейсбольную битку, обмотанную синей изолентой. Поджигатели не собирались убежать. Они перекрывали периметр, чтобы добить усадьбу и расправиться со свидетельницей.

Я медленно поднялась на ноги, заслоняя собой кобылу и жеребят. Пальцы левой руки нащупали у борта манежа черенок тяжелой совковой лопаты. Внутри поднялась глухая, ледяная казачья злость: если придется умирать на родной земле — живой я им не дамся.

* * *

Ослепительный ксенон резал глаза до слез, превращая пространство вокруг в черные и белые всполохи. Жеребята за моей спиной испуганно храпели, сбиваясь в кучу. Обожженная правая рука ныла тупой, рвущей болью, пальцы плохо слушались, но я судорожно нащупала в кармане безрукавки служебную рацию — старую «Моторолу», настроенную на закрытую частоту станичного пункта полиции.

Зажав тангенту здоровой рукой, я хрипло выдохнула в микрофон:

— Дежурный, прием! Нападение на клуб «Донская вольница»! Поджог яслей, вооруженные люди блокируют выезд!.. В динамике в ответ не раздалось даже шороха эфира —

только монотонный, глухой свист и синтетический треск. Похоже, нападавшие глушили связь: ни рация, ни телефон не отвечали. Где стояла их аппаратура, из манежа я увидеть не могла.

Нас отрезали от мира. На много километров вокруг — лишь спящая степь, речные заводы и бандиты, уверенные в своей безнаказанности.

Детина на квадроцикле злорадно крутанул ручку газа. Мотор взревел, вздымая комья сухой земли. Он явно наслаждался моментом, медленно двигаясь на меня, чтобы сломать волю, заставить бросить лошадей и побежать.

Я вскинула черенок лопаты, упершись сапогами в песок, и в этот миг мой взгляд скользнул поверх фар — на крутые меловые обрывы Сухого Лога, нависавшие над клубом.

Там, на самом гребне тридцатиметровой кручи, четко вырисовывался силуэт. Исполинский вороной конь и всадник в расстегнутом форменном кителе, казачьей фуражке и с темными погонами.

Руслан Багиров. Наш участковый, старший лейтенант полиции и потомственный казак.

Он стоял на гребне всего секунду, оценивая обстановку внизу: пылающий сеновал, мечущихся лошадей и хищную фигуру нападающего. А затем произошло то, от чего у меня остановилось сердце.

Багиров не стал объезжать овраг по пологой тропе. Он подобрал поводья и с леденящим душу свистом бросил огром-

ного вороного жеребца Грома прямо вниз — по крутой сорокаградусной меловой осыпи.

— Руслан, стой! Разобьешься! — крик застрял у меня в горле.

Меловой карниз под полутонной тушей коня с сухим треском обломился. Белая пыль взметнулась густым султаном, скрывая всадника. Жеребец оступился, заскользил крупом по осыпающемуся известняку, теряя опору над пятиметровым обрывом. Но Багиров сросся с конем в единое целое: железным посылом шенкелей и точным натяжением повода он не дал коню завалиться на бок. Гром нащупал копытами монолитный пласт мергеля, оттолкнулся всеми четырьмя ногами и буквально вылетел из белого облака пыли на равнину, переходя в бешеный, стелющийся карьер.

Всадник летел прямо наперерез квадроциклу.

Водитель в шлеме заметил летящую на него лавину слишком поздно. Он судорожно бросил битую, выхватил с пояса тактический фонарь и направил ослепляющий зеленый лазерный луч прямо в морду Грома, пытаясь ослепить коня на полном ходу.

Я едва не зажмурилась от ужаса за животное. Но Багиров был пластуном по крови и офицером армейского спецназа. На всем скаку он ушел корпусом вправо, прикрыв шею коня, привстал на стремянах и коротким, чудовищным по силе движением взмахнул тяжелой нагайкой-волкобоем.

Свинцовый грузик на конце сыромятного хвоста рассек

воздух с хищным воем.

Удар пришелся точно в руку с фонарем и поликарбонатное забрало шлема. Фонарь брызнул осколками, треснувший пластик разлетелся в пыль, боевик истошно взвыл от боли, выпуская руль.

Не сбавляя темпа, Руслан повернул коня. Могучее кованое плечо Грома со всего маха врезалось в боковой защитный каркас квадроцикла. Удар семисот килограммов живой ярости и железа снес тяжелую четырехколесную машину, как сухую щепку. Квадроцикл кувыркнулся через борт и с грохотом улетел в полутораметровый сухой кювет, погребая под собой водителя.

Травматический пистолет, вылетевший из кобуры наемника, глухо шлепнулся в заросли полыни.

Гром осадил на краю канавы, тяжело дыша и взрывая копытами землю. Багиров сидел в седле прямо, как клинок. В лунном свете его смуглое лицо с резкими чертами казалось высеченным из гранита.

Вдруг сквозь помехи прорвался обрывок передачи. Я прижала рацию к уху и услышала его низкий, спокойный голос, заставивший дрожь в моих коленях мгновенно утихнуть:

— Света, держись! Второй ушел в обход к манежу, я лечу наперерез!

В прорезавшем дым свете фар я различила на рукаве поверженного боевика знакомый шеврон: волкодав и надпись «ЧОП Барьер-Юг». Люди Самойлова. Строительный хол-

динг пошел ва-банк.

Но страха больше не было. Рядом был Багиров.

Глава 2

Звук второго мотора ударил со стороны березовой аллеи. Из-за угла конюшни, взметая фонтаны гравия, вылетел второй квадроцикл — более тяжелый, с усиленным стальным бампером-отвалом. За рулем сидел приземистый, широкоплечий наемник в камуфляже и кевларовом бронежилете.

Он не стал тормозить. Увидев меня с лошадьми посреди открытого манежа, он вдавил педаль газа в полик. Рев мотора превратился в сплошной визг, тяжелые грунтозацепы шин впились в песок, бросая машину прямо на нас. Он шел на прямой таран, намереваясь сбить меня и раздавить жеребят о дощатую стену.

Майка в ужасе заржала, пытаясь встать на свечу.

— Стоять, Майка! Стоять, маленькие! — закричала я, отталкивая кобылу за угол кирпичного пристроя.

Я не побежала. Если я сдвинусь с места хоть на шаг, колеса раздавят Сполоха — жеребенок застыл в оцепенении, прижав маленькие ушки. Я шагнула вперед, выставив лопату двумя руками, как пехотную пику, и упершись каблуками сапог в глубокий песок. Перед глазами плясали желтые круги от боли в обожженной руке, но воля была натянута, как тетива лука.

За три метра до удара боевик оскалился сквозь прорезь маски, оторвал левую руку от руля и выхватил из разгруз-

ки стеклянную бутылку с торчащим дымящимся запалом — вторую порцию зажигательной смеси, целясь в деревянную веранду жилого дома.

Это была его роковая ошибка.

Сделав резкий ложный выпад влево, я подхватила с земли стоявшее у борта оцинкованное ведро с сухим строительным песком и всем телом, в едином рывке, выплеснула его веером прямо в лицо нападающему.

Плотная песчаная шрапнель ударила в смотровые щели шлема и радиаторную решетку. Наемник захлебнулся песком, судорожно дернул руль, бутылка выскользнула из его онемевших пальцев и глухо разбилась о землю, не воспламенившись. Квадроцикл опасно накренился, вильнув в сторону, но боевик пересилил занос и снова вывернул руль прямо на меня, готовясь переехать меня колесами.

До бампера оставалось меньше полутора метров. Я уже видела зазубренные болты на стальном отвале.

В этот миг стена дыма за манежем лопнула.

Из огненного зарева, перемахнув через полутораметровый дощатый забор левады, вылетел вороной Гром. Огромный конь буквально парил в воздухе. Руслан, привстав на стременах, послал коня вперед с яростным казачьим кличем.

Кованая грудь полутонного дончака на всем скаку врезалась в рулевую стойку квадроцикла.

Раздался оглушительный треск сминаемого металла и лопающегося пластика. Удар был чудовищным: квадроцикл

развернуло на трех колесах и впечатало в песчаный вал, а наемника выбросило из седла, перевернув в воздухе, и с размаху приложило о влажную дорожную грязь.

Гром пружинисто приземлился на все четыре ноги, взрывая песок, тяжело храпя и прижимая уши.

Поверженный наемник застонал, сплюнул кровь и полез рукой за отворот куртки, нащупывая длинный хищный клинок ножа-бабочки.

Но Руслан уже был на земле. В едином плавном движении он соскользнул из седла, преодолел три метра расстояния и с глухим хрустом впечатал тяжелый армейский берц точно в запястье бандита. Нож со звоном отлетел в сторону.

— Лежать, мразь! Руки за голову!

Боевик задержался, пытаясь достать участкового свободной рукой и хрипя из-под маски:

— Все равно сгорите, суки... Хозяин вас под корень пустит...

Руслан заломил его руку за спину с такой ледяной, отточенной силой, что наемник взвыл дурным голосом. Стальные наручники щелкнули, намертво стянув запястья за спиной.

Одним рывком Багиров сорвал с лица задержанного черную балаклаву.

Перед нами оказалось помятое, злое лицо со сломанным носом и бегающими бесцветными глазами.

— Крюков, — процедил Руслан сквозь зубы. Голос участкового звенел от сдерживаемой ярости. — Старший инструктор службы безопасности девелоперской конторы Самойлова. Давно я тебя ждал, падаль.

Руслан рванул карман разгрузки задержанного. На ладонь участкового выпала тяжелая японская радиостанция армейского образца в ударопрочном корпусе. На маленьком жидкокристаллическом дисплее светилась активная защищенная частота, и сквозь шорох шифратора отчетливо пробиwлся нервный, злой голос самого Самойлова:

«Крюков, доложи! Почему манеж не горит?! Где вы застряли?!»

Руслан нажал тангенту и отчеканил в микрофон:

— Крюков задержан с поличным на месте преступления, Самойлов. Статья двести пятая, террористический акт. Скоро за тобой приедут.

В рации воцарилась гробовая, ледяная тишина, сменившаяся длинным гудком обрыва связи.

Багиров спрятал трофейную рацию во внутренний карман кителя и повернулся ко мне. Вся жесткость и беспощадность в его взгляде мгновенно растаяли, сменившись глубокой, щемящей тревогой. Он увидел мою почерневшую от копоти одежду, дрожащие плечи и багровые, сочащиеся сукровицей волдыри на обожженной руке.

— Света... Живая, господи...

Он сделал шаг ко мне, но в этот момент ветер над хутором переменялся.

* * *

Ночной ветер, гулявший над поймой Дона, резко развернулся с востока, бросив плотную стену раскаленных искр и черного угля прямо на сухую drankу главного конюшенного корпуса. Огонь жадно лизнул карниз крыши. Если загорится основное бревенчатое здание — усадьбу уже ничто не спасет.

Во двор, задыхаясь и спотыкаясь, вбежал шестнадцатилетний конюх Мишка. Лицо мальчишки было белым от ужаса, из глаз катились слезы, оставляя светлые борозды на саже. Он нес два полных ведра воды, но, увидев пламя на кровле главного корпуса, споткнулся о полено и с грохотом выронил ведра, расплескав воду по плитняку.

— Тетя Света! Руслан Тимурович! Всё горит! Мы пропали! — в голосе подростка билась чистая, неуправляемая паника.

— Отставить слезы, боец! — рявкнул Багиров так, что даже Гром вздрогнул и наострил уши.

Руслан мгновенно перехватил командование. На звук пожара и треск огня к воротам клуба уже бежали первые хуторяне — мужики в спецовках, бабы с ведрами, старые казаки.

Багиров выскочил на середину двора, вскинул руку, и его

зычный, командный голос перекрыл гул пожара:

— Степан! Гришка! Бегом на совхозный стан! Заводите два «Беларуса» с пятикорпусными плугами! Опахать конюшню по внешнему периметру от яслей до самого обрыва! Делайте пятиметровую борозду, режьте дерн до глины! Бабы — цепочкой к речному колодцу, поливать скаты бревен! Живо, братья, клуб не отдадим!

Станичники знали Багирова с пеленок — знали его офицерскую честь, боевые ордена и неподкупную казачью породу. Никто не задал ни единого вопроса. Мужики бросились к тракторному стану.

Уже через три минуты ночную тишину разорвал тяжелый, надрывный рев двух старых совхозных дизелей. Два синих трактора с зажженными фарами врезались тяжелыми лемехами плугов в сухую степную целину.

Земля застонала. Пласты жирного черного донского чернозема выворачивались наружу, отрезая пламя широкой полосой голой земли. Запах сырой вывернутой земли вытеснил вонь бензина и гари. Огненный пал, добежав до борозды, захлебнулся в черной полосе и стал быстро опадать, теряя силу.

— Руслан! — закричал подбежавший тракторист дядя Гриша, вытирая пот рукавом. — Я с вышки звонил в район! Трасса перекрыта грузовиками Самойлова якобы из-за ремонта моста! Пожарные расчеты не приедут! Район нас бро-

сил!

Слова тракториста долетели до меня сквозь нарастающий гул в ушах.

Адреналин, державший меня все это время на ногах, иссяк. Боль в обожженной руке вспыхнула с чудовищной, пульсирующей силой. Перед глазами поплыли черные круги, запах гари забил дыхание. Ноги подкосились, лопата со звоном выпала из пальцев, и я начала оседать на холодный песок манежа.

Но упасть мне не дали.

Сильные, широкие руки подхватили меня под колени и спину, бережно и властно прижимая к широкой груди. Руслан поднял меня, словно пушинку. Он усадил меня на уцелевшую лавку, снял форменный офицерский китель и укутал мои вздрагивающие от озноба плечи плотным, теплым сукном. Потом снова поднял на руки.

От кителя пахло донским ветром, крепким табаком, нагретой шерстью и оружейной смазкой. Моя щека прижалась к его жесткой шее, под пальцами бился его ровный, сильный пульс, и в этот миг ледяная пустота одиночества, мучившая меня последние годы, просто растворилась без следа.

Руслан повернулся лицом к подошедшим хуторянам, старейшинам и трактористам. Его лицо потемнело от гнева, а голос прогремел над притихшим манежем, разносясь эхом по всей станице:

— Слушайте все! «Донская вольница» отныне под моим

личным казачьим словом! Тронут клуб, посягнут на Светлану или на память её отца, честного районного гидротехника, который жизнь положил, спасая нашу пойму от разграбления, — пойдут против меня и всего казачьего круга! До седьмого колена достану любого, кто ступит сюда с дурным умыслом!

Тишина повисла над пепелищем. Старый казак дед Матвей, опираясь на дубовый посох, медленно снял папаху, перекрестился на светлеющий восток и глухо произнес:

— Любо, старлей. Верное слово сказал. Память отца Светланы свята, а хутор своих в беде не бросает. Выставим ночные конные караулы по балкам. Ни одна гадина больше не проползет.

Руслан коротко кивнул старику. Не выпуская меня из рук, он осторожно понес меня по мощеной дорожке к высокому бревенчатому крыльцу моего дома.

— Руслан, пусти, я сама... — прошептала я, но сил оттолкнуть его сильные руки не было. Я лишь крепче вцепилась здоровой рукой в лацкан его форменной рубашки.

— Молчи, атаманша, — негромко, с невероятной, щемящей нежностью проговорил он мне на ухо, и его теплое дыхание коснулось моих волос. — Все закончилось. Лошади целы, земля наша. Пошли в дом, Света. Надо смыть сажу. Я позову Анну Петровну, пусть посмотрит ожог. А тебя до дома сам донесу.

Он поднялся по ступеням, толкнул ногой тяжелую сосновую дверь дома и перенес меня через порог, закрывая за нами дверь в бушующую ночную степь.

За нашими спинами занимался первый пепельно-розовый рассвет над Доном, но главная битва за станичный рубеж была еще впереди.

Глава 3

Тяжелая сосновая дверь захлопнулась за нашими спинами, отсекая ядовитый чад пепелища и тревожный гул затихающей ночной степи. Руслан бережно опустил меня на широкую дубовую лавку в просторной прихожей моего дома. Бревенчатые стены, сложенные еще дедом из смолистой сосны, пахли обжитым теплом, сушеной мятой и сухим деревом.

Но перевести дух мне мешала гордость. Вся моя жизнь после внезапной смерти отца была непрерывной борьбой за выживание клуба, за каждый гектар пойменного луга, за каждую кормушку. Я привыкла держать удары в одиночку, ни перед кем не сгибая спины.

Стиснув зубы, чтобы заглушить мелкую дрожь в коленях и дикую, пульсирующую боль в правой руке, я упрямо поднялась на ноги.

— Я сама, Руслан. Не надо нянчиться. Я не барышня кисейная, перевяжусь...

Я шагнула к рукомойнику, чтобы набрать в эмалированный ковш ледяной колодезной воды и смыть въевшуюся сажу. Пальцы потянулись к навесной полочке за пузырьком с перекисью водорода, но от болевого спазма кисть свело судорогой. Стекланный пузырек выскользнул из онемевших пальцев и со звоном разлетелся вдребезги о половицы, брыз-

нув шипящей пеной.

Я растерянно замерла, готовая расплакаться от собственного бессилия.

Но сильные, шершавые ладони Руслана мягко, без единого грубого нажима перехватили мои запястья. Одним плавным движением он развернул меня и снова усадил на скамью, опустившись перед моим коленом на одно колено.

— Повоевала — и будет, Света, — его низкий, бархатный голос звучал спокойно и обезоруживающе. — Дай я посмотрю.

Из внутреннего кармана кителя, которым я все еще была укутана, участковый достал компактную армейскую аптечку спецназа и тяжелую плоскую баночку темного стекла со старинной чеканной медной крышкой.

— Что это? — тихо спросила я, глядя, как уверенно и споро двигаются его крупные пальцы.

— Это дедовский бальзам пластунов, — негромко отозвался он. — Очищенный прополис, степной пчелиный воск, облепиховое масло и вытяжка из корней окопника. На Кавказе он нас из таких ожогов вытаскивал, где армейские мази бессильны были.

Тонкий серый лен моей рубашки местами присох к обожженному предплечью. Я инстинктивно дернула руку, готовясь содрать ткань вместе с кожей, но Руслан удержал мое

предплечье. Из чехла аптечки блеснули изогнутые тупоконечные хирургические ножницы.

Холодный металл скользнул по горячей коже. Выверенным миллиметровым движением Руслан аккуратно рассек рукав вдоль шва, освобождая рану и не потревожив воспаленные багровые края ожога.

От внезапного прикосновения ночной прохлады к обнаженному телу меня заколотил озноб. Я судорожно втянула воздух сквозь зубы. Руслан замер. На секунду его пальцы застыли, и он тихо, с невероятной бережностью подул на рану своим теплым дыханием, остужая нестерпимое жжение. В этом нехитром, бесхитростном жесте было столько глубокого мужского сострадания, что к горлу подкатил горячий комок. Никто и никогда в жизни так обо мне не заботился.

Он открыл баночку. По прихожей поплыл густой смолистый аромат меда, лугового разнотравья и дикого воска. Зачерпнув прозрачный золотистый бальзам, Руслан стал легкими круговыми движениями наносить его на вспухшие водянистые волдыри.

Я инстинктивно вжалась спиной в стену, ожидая нового приступа боли. Но вместо огня по руке разлился глубокий, целительный ментолово-медовый холодок. Смолистый аромат напомнил отцовскую мастерскую. Я следила за руками Руслана, и паника понемногу отпускала.

Боль, тисками сдавливавшая виски, стала быстро отступать. Я почувствовала, как расслабляются плечи. Руслан был

так близко, что я ощущала тепло его широкого тела и терпкий запах его кожи — полынный степной ветер, оружейное масло, чистое мыло и крепкий табак.

Чувствуя себя неловко из-за собственной беспомощности, я попыталась отшутиться:

— Стыдоба какая... Вся станица пожар тушит, а хозяйка раскисла из-за пустяковой ссадины. Казачки в старину ядра на лету ловили, а я...

Руслан замер, держа в руках стерильный бинт. Он медленно поднял голову и посмотрел мне прямо в глаза.

В его темных, глубоких глазах не было снисхождения. Там клокотала глухая, тяжелая ярость на тех ублюдков, что посмели поджечь конюшню, и одновременно плескалась такая бездонная, щемящая нежность, от которой перехватило дыхание.

— Не смей так говорить, Света, — тихо, но с железной весомостью произнес он. — Ты одна вытащила жеребят из пекла. Ты заслонила табун собой. Но больше ты не одна. Слышишь меня? Пока я дышу на этой земле, ни одна мразь тебя пальцем не тронет. И прятать боль перед своим мужчиной — не смей.

Слово «своим» повисло в тишине комнаты, горячее и осязаемое, как удар колокола. Вся моя напускная броня сильной женщины рассыпалась в прах.

Когда пришедшая по его просьбе Анна Петровна осмотрела ожог и закончила перевязку, Руслан снял со спинки стула мое сухое шерстяное пончо и бережно накинул мне на плечи. Последние остатки сил покинули меня. Ноги подкосились, и я бессильно опустила голову ему на плечо.

Руслан не отстранился. Его сильные руки бережно замкнулись вокруг моей талии, прижимая к широкой груди. Под моей щекой мягко кололо грубое сукно его форменной рубашки, а в ухо мерно и уверенно стучало его сердце.

За окном синело предраассветное небо. В этой сосновой тишине пришло долгожданное озарение: бесконечная битва в одиночку окончена. У меня есть защитник.

* * *

Спустя полчаса мы сидели на просторной кухне у широкого дубового стола, сработанного еще руками моего отца. Чтобы занять руки и прогнать последние отголоски нервного озноба, я поставила на плиту медный пузатый чайник, бросив в кипящую колодезную воду щедрую щепоть сушеных трав из холщового мешочка.

Аромат степного чабреца, душицы и перечной мяты мгновенно вытеснил въедливый запах гари. Золотистый пар поднимался к потолочным балкам, согревая лицо.

— Отец сам этот чабрец собирал на меловых утесах у Раздольной, — тихо сказала я, пододвигая Руслану тяжелую глиняную кружку с темно-янтарным отваром. — Он ведь главным гидротехником всего нашего района был тридцать лет.

Знал каждый омут, каждый брод, каждую подземную жилу в пойме. Меня с семи лет на лодке катал, учил читать реку: где вода тяжелая, где водоворот, где мелкий пережат коней удержит. Без его гидрологических карт я бы этот клуб никогда на песках не подняла...

Я достала из комода и осторожно развернула на столе большую пожелтевшую кальку — отцовский рукописный чертеж донской излуины с детальными промерами глубин и отмелей.

Руслан бережно коснулся пальцами отцовского чертежа, с глубоким уважением разглядывая четкий каллиграфический почерк и строгие контуры речного русла:

— Знаю, Света. Алексея Петровича на Дону каждый старик помнит. Честнейший был мужик. Когда в девяностые пойму хотели под песчаные карьеры экскаваторами перекопать, твой отец грудью встал, ни одной подписи хапугам не дал. Потому Самойлов и бесится — ему эта земля как кость в горле.

Я опустила глаза на темную гладь чая в своей кружке. Настало время сказать правду, о которой я молчала даже перед хуторянами.

— Дело не только в отцовской земле, Руслан. У них есть поводок, за который они меня душат.

Руслан вскинул темные брови, не перебивая.

— Весной, чтобы выкупить племенных кобыл и привезти донских жеребят для детской иппотерапии, я взяла в районном банке кредит. Пять миллионов рублей под залог зданий конюшни и манежа. График платежей был расписан на пять лет. Но позавчера управляющий вызвал меня и объявил, что банк в одностороннем порядке пересмотрел условия и требует полного досрочного возврата всей суммы в течение трех суток. Иначе — опись имущества и передача комплекса с молотка.

Я ждала, что Руслан нахмурится или осудит мою неосторожность. Но старший лейтенант лишь криво, недобро усмехнулся и достал из нагрудного планшета распечатку оперативной сводки с гербовой печатью.

— Твой кредит теперь в чужих руках, Света, — спокойно произнес он, положив бумагу передо мной. — Вчера в полдень они тайно переуступили право требования твоего долга подставной факторинговой конторе «Дон-Инвест». За двадцать процентов номинала — всего за миллион рублей. А учредитель этой помойки — родная сестра Самойлова.

Внутри у меня все оборвалось. Чашка звякнула о глиняное блюдо.

— Значит... поджог сеновала и этот долг...

— Звенья одной удавки, — подтвердил Руслан, накрывая

мою вздрагивающую ладонь своей широкой, горячей рукой. — Самойлов рассчитывал, что ты испугаешься огня, сломаешься под угрозой банкротства и отдашь усадьбу за бесценок. Но смена кредитора не дает им права самовольно переписывать твой график платежей. В договоре и требовании нужно разобраться. Я лично направляю материалы в управление экономической безопасности областного главка. Даю слово офицера: этот липовый факторинг мы разорвем в клочья через арбитраж.

Его уверенность действовала лучше любого успокоительного. Я посмотрела на него снизу вверх, вглядываясь в глубокий шрам над левой бровью.

— Руслан... Почему ты вернулся в станицу? Ты ведь служил в армейском спецназе, прошел горячие точки, у тебя боевые ордена. Тебя же в Москву, в министерство звали. Зачем тебе этот глухой хутор?

Багиров сделал глоток терпкого чабрецового чая, задумчиво глядя в синее предзакатное окно.

— На Кавказе, Света, под Шатоем, мы держали высоту трое суток. Половина взвода там осталась. И тогда я себе зарок дал: если выживу — вернусь на Дон. Здесь могилы моих прадедов. Они эту степь шашками отбивали не для того, чтобы жирные крысы в костюмах застроили речные плесы элитными коттеджами с заборами до неба. Я здесь дома. И

пока погоны на плечах — буду защищать своих людей.

Он полез во внутренний карман и достал тяжелый, монолитный кнопочный телефон в толстом прорезиненном черном корпусе военного образца. Положил его на стол прямо передо мной.

— Держи. Здесь служебная сим-карта спецсвязи. Номер один на быстром наборе — дежурная часть отдела. Номер два — мой личный спутниковый канал. Нажмешь двойку — и я услышу твой вызов. Где бы ни был, на коне или на машине, сразу пойду к тебе.

Я взяла телефон. Холодный шершавый пластик приятно отяжелил ладонь. Воздух на кухне зазвенел от немой, невысказанной близости. Мы смотрели друг другу в глаза, и в этом молчании рождалась нерушимая связь двух людей, нашедших друг друга на краю пропасти.

Глава 4

Над поймой Дона разлился молочный предрассветный туман. Он клубился густыми волнами, скрывая русло реки и прижимая к земле влажный запах донского ила, чабреца и горькой росы.

Мы вышли во двор. Руслан шел рядом, внимательно осматривая остывающее пепелище сеновала и периметр ограды. Я направилась к дальним левадам, куда ночью перевели уцелевший табун.

Лошади сбились плотной группой у дальней изгороди. Племенные донские кобылицы тревожно пряли ушами, храпели и наотрез отказывались подходить к деревянным яслям. Стресс от ночного пожара был опасен — у жеребых маток могли начаться смертоносные колики.

Подойдя ближе, я с облегчением увидела золотисто-рыжего Сполоха. Кроткий жеребенок почти оправился от испуга — он стоял под боком у спокойной Майки и тихонько посапывал, тычась мордочкой в ее теплый бок. Но второй питомец — отважный темно-гнедой стригунок Сокол — жалобно ржал у бревенчатой загородки, не в силах наступить на заднюю правую ногу.

— Соколик, мальчик мой, что с тобой? — я опустила на колени в мокрую траву, осторожно проводя пальцами по шерсти.

Сустав был горячим и заметно опух. Жеребенок, видимо, остушился при эвакуации. Что именно он повредил, я не знала; гадать было страшно.

Я попыталась зафиксировать ножку стригунка, но Сокол от боли в панике захрапел, забил передними ножками и шархнулся назад, рискуя порвать волокна.

— Руслан, поддержи его, он связки вырвет!

Багиров не стал применять грубую силу. Он подошел к коню медленно, с открытыми ладонями. Положил широкую руку на затылок жеребенка, наклонился к самому его уху и начал издавать низкий, вибрирующий, тягучий гортанный звук на старинном пластунском наречии.

Это было похоже на шепот речного ветра в камышах. Дикий, испуганный жеребенок замер как вкопанный. Его маленькие ушки расслабленно опустились, дыхание выровнялось. Сокол доверчиво положил свою бархатную мордочку Руслану прямо на грудь, зажмутив карие глаза.

— Держись, парень, сейчас полегчает, — тихо шепнул Руслан.

Руслан осторожно отвел Сокола в отдельный загон рядом с Майкой и набрал номер нашего ветеринара.

— Приезжай, нужен осмотр. Мы его успокоили, а дальше твоя работа.

Сокол шумно выдохнул ему в шею и ткнулся губами в подбородок. Я осталась рядом, пока не приехал ветеринар;

только после осмотра и его указаний мы занялись поением остальных лошадей.

Я поднялась с травы, глядя на Руслана с немим восторгом. Этот суровый офицер с железной хваткой умел разговаривать с лошадьми на языке предков, исцеляя их лаской.

— Теперь поение, — улыбнулся он, забирая из моих рук оба тяжелых оцинкованных ведра. — Тебе тяжести поднимать нельзя, рука должна зажить. Показывай, где ключ.

Мы набрали ледяной хрустальной воды из родникового ключа, бившего у подножия мелового утеса. Руслан наполнил дубовые желоба. Хрустальный звон струи успокоил кобыл. Лошади несмело, шаг за шагом подошли к воде, погружая бархатные ноздри в прозрачную влагу и шумно выпивая рассветную прохладу.

В этот момент со стороны ближнего загона послышался глухой, вибрирующий стук копыт. В леваду неспешно шагнул вороной Гром — гигантский жеребец Багирова. Вожак высоко нес породистую голову с тонкими ноздрями. Он подошел к моей любимице — золотисто-рыжей кобыле Заре, нежно коснулся губами ее гривы и вдруг издал такой мощный, раскатистый победный клекот, что эхо прокатилось по всему Дону.

Табун признал его силу. Жеребцы склонили головы, кобылицы потянулись к великану. Гром взял табун под свое покровительство, а его хозяин окончательно стал неотъемлемой частью усадьбы.

Руслан подошел ко мне сзади, его плечо коснулось моего. Первые лучи солнца пробили туман над рекой, заливая меловые кручи и зеленую пойму чистым золотом.

* * *

Скрип дощатой калитки нарушил утренний покой. Во двор усадьбы, опираясь на узловатый дубовый посох, вошел старейшина казачьего круга станицы Раздольной — девяностолетний дед Матвей. На ветеране была выцветшая гимнастерка без погон, а на выдубленном степными ветрами лице застыла суровая сосредоточенность.

Старик молча подошел к обгоревшему остову сеновала, тыча посохом в обугленные нижние венцы и принюхиваясь к воздуху, словно старый охотничий пес.

— Здорово ночевали, казаки, — глухо бросил он, не оборачиваясь.

— Слава Богу, дедушка, — отозвался Руслан, подходя ближе.

Дед Матвей опустился на корточки у кирпичного фундамента. В руке старика блеснул длинный кованый нож. Он разгреб слой спекшейся черной золы под обрушенной балкой и поддел лезвием массивный металлический цилиндр.

Металл звякнул. Старик осторожно вытащил из пепла оплавленную гильзу с остатками темно-зеленой армейской краски и передал ее Багирову.

— Гляди, старлей. Это не спички и не бензин из тракторного бака. Это боевое спецсредство.

Я подошла ближе, заглядывая через плечо Руслана. Тяжелый цилиндр пах серой, бертолетовой солью и гарью. На уцелевшей боковой грани отчетливо читалась выбитая заводская маркировка: «ДМ-11. Партия 04-88. Завод № 12».

— Дымовая зажигательная шашка войскового образца, — помрачнел Руслан. — Температура горения полторы тысячи градусов. Создает непроглядную завесу и воспламеняет дерево за секунды.

Багиров немедленно достал из полевой сумки протокольный бланк осмотра места происшествия, металлическую линейку и служебный фотоаппарат.

— Дед Матвей, распишись как понятой. Фиксируем точные координаты очага, угол падения фаера и номер партии. Это уже не хулиганство. Это статья двести пятая — террористический акт с применением боевых спецсредств.

Дед Матвей прищурил выцветшие, ястребиные глаза и сплюнул под ноги:

— А я тебе и без экспертизы скажу, старлей, откуда эта дрянь. В прошлом месяце на закрытых окружных складах мобилизационного резерва в Каменске ревизия была. Полковник тамошний, дружок Самойлова, списал три ящика таких вот шашек ДМ-11 якобы на утилизацию по истечении

срока хранения. А на самом деле на грузовике вывезли на базу их ЧОПа «Барьер-Юг» за песчаным карьером. Я еще племяннику говорил: к худу дело, бандиты армейским арсеналом запасаются.

Руслан аккуратно упаковал цилиндр в полиэтиленовый сейф-пакет и расписался на контрольной ленте:

— Спасибо за наводку, дед Матвей. Теперь у прокуратуры не получится замять дело. Вещдок железный, след прямой.

Старик выпрямился во весь свой немалый рост, ударил дубовым посохом о каменную дорожку и достал из нагрудного кармана старинную костяную свирель, выточенную из волчьей кости:

— С законами ты, участковый, в районе разбирайся. А хутор по-своему ответит. Не бывало того испокон веку, чтобы на донской земле бандиты казачьих девок и коней безнаказанно жгли. Созываю станичный круг. Соберем сотню самообороны.

Дед Матвей прижал свирель к губам. Над сонной поймой взмыл чистый, пронзительный, вибрирующий свист — древний казачий сигнал тревоги и сбора круга.

Звук отразился от меловых круч, покатился по улицам станицы, поднимая станичников. У меня по спине побежали мурашки: казачий край пробуждался, вставая живым щитом на защиту усадьбы.

* * *

К полудню степной зной достиг апогея. Воздух раскалился до тридцати пяти градусов, горизонт над Доном задрожал маревом.

Внезапно со стороны станичного большака поднялся плотный столб желтой пыли. До слуха донесся тяжелый, нарастающий рокот множества моторов.

Мое сердце сжалось от панического холода: неужели Самойлов бросил в бой тяжелую технику? Неужели приехали судебные приставы с бульдозерами сносить клуб? Я бросилась к массивным воротам, сжимая в кармане подаренный Русланом телефон.

Но стоило пылевой завесе рассеяться на повороте, как дыхание перехватило от слез.

По большаку к усадьбе двигалась огромная колонна. Впереди шли пять синих совхозных тракторов «Беларус» с высокими прицепами, а за ними тянулся десяток конных повозок. Прицепы и телеги были доверху, с горкой нагружены плотными золотыми тюками степного разнотравья. А на замыкающей платформе блестела свежей краской прицепная хуторская зернодробилка.

Ветер принес густой, ошеломляющий аромат сладкой скошенной люцерны, цветущего донника и полевого пырея. Это было сено высшего сорта — золотой запас хутора.

Тракторы с глухим урчанием заглушили моторы у въез-

да на манеж. Из кабин и с повозок посыпались станичники — бородатые старики в папахах, крепкие загорелые мужики, молодые казачата.

Без лишних слов, по-хозяйски, они выстроились в длинную живую цепочку от ворот до кирпичного амбара. Первым на помост запрыгнул мой конюх Мишка — мальчишка сиял от гордости, ловко подхватывая стокилограммовые тюки железными крюками.

— Принимай добро, Светлана Алексеевна! — весело крикнул атаман станицы Степан Гордеев, спрыгивая с подножки головного трактора. — Тут двадцать тонн чистой люцерны и клевера! Твой сгоревший запас вдвое перекроем!

Я метнулась в дом, дрожащими руками достала из тайника металлическую шкатулку со всеми своими сбережениями — там лежали отложенные по копейке сто пятьдесят тысяч рублей на ремонт крыши. Выбежав во двор, я протянула деньги атаману:

— Степан Васильевич, возьмите! Тут не всё, но я расписку напишу, до копейки отдам за каждую тонну...

Атаман нахмурился. Его тяжелая, мозолистая рука властно и строго отвела мою ладонь с купюрами в сторону:

— Спрячь гроши, Алексеевна. И слушать не стану. Станичный круг постановил: это сено — не на продажу. Это наш хуторской дар твоему клубу. Ты пять лет станичных ребяти-

шек с церебральным параличом на своих конях бесплатно выхаживаешь. Сын мой, Петька, на твоих занятиях окреп, уверенности набрался — врачи сами порадовались. Думала, мы забыли? Казаки добро помнят. Твой рубеж — наш общий рубеж!

Горло перехватило горячей спазмой. Слезы брызнули из глаз, оставляя светлые дорожки на запыленных щеках. Десятки мужчин вокруг смотрели на меня с такой искренней, суровой братской теплотой, что все страхи и одиночество последних лет растворились без следа. Я была дома. Мой народ был со мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.